

набываюць у пэўным кантэксце пераноснае, пераважна іранічнае значэнне. Акрамя імпліцытнага выражэння эматыўнасці, у парэміях актыўна выкарыстоўваецца экспліцытны спосаб вербалізацыі суб'ектыўна-ацэначнага значэння праз знешнія, фармальныя паказчыкі, як правіла, суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі.

Сукупнасць розных маўленчых спосабаў стварэння эматыўнасці ў парэміях утварае своеасаблівае функцыянальна-семантычнае поле ацэначнасці, прастора якога складаецца з іерархічна залежных рознаўзроўневых адзінак моўнай сістэмы, што выконваюць выразную слоўна-вобразную функцыю, павышаюць выяўленчую выразнасць і экспрэсіўны патэнцыял прыказкавага слова.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн.1 / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 557 с.
2. Калеснік, У. С. Руплівец у матачніках роднага слова / У. С. Калеснік // Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – С. 3–14.
3. Рагойша, В. П. Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – Мінск : «Выш. школа», 1978. – 320 с.
4. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – 3-е изд. / В. И. Шаховский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
5. Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // Статьи электронной библиотеки ВГПУ. – Режим доступа : <http://www.vspu.ru/index.php?path=books&info=bibindx&indx=bibindx>. – Дата доступа : 20.08.2021.

Прынятыя скарачэнні

- ПП-1 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 1 / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 557 с.
- ПП-2 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2 / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 616 с.
- Янк. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1992. – 491 с.

Abstract. The article analyzes the emotive paradigm of paremia discourse, represented in Belarusian folk sayings by lexical and word-forming means, including nominative units with both positive and negative connotations. At the same time, various ways of verbalizing human emotions in aphoristic sayings are described – implicit, expressed inherently through the internal content of the word, its usual meaning or adherent, when stylistically neutral words in some folk aphorisms acquire a figurative, mainly ironic meaning in a certain context, and an explicit way of representing subjective-evaluative meaning through external, formal indicators, as a rule, suffixes of subjective evaluation.

Keywords: paremia, proverb, proverbial expression, folk aphorism, emotivity, implicit, explicit, coherent, adherent.

УДК 811.161.1'373.74(470.23-25): 94(47).05

Е. Н. Степанов

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. В статье рассмотрены пути влияния социально-исторических событий Петровской эпохи на формирование и особенности функционирования фразеологии города Санкт-Петербурга как социального и лингвокультурного пространства, определено место этих фразеологизмов в системе разных по «внешнему масштабу» лингвокультурных пространствах.

Ключевые слова: социолингвистика, урбанолингвистика, фразеологизм, Петровская эпоха, Санкт-Петербург, социальное пространство, лингвокультурное пространство.

Фразеологизм является одной из лингвокультурных универсалий [1, с. 559], коррелируя с феноменом прецедентного высказывания. Фразеологизмы – лингвосемиотические феномены [2, с. 11], возникающие в прецедентной ситуации и / либо на основе ставшего прецедентным текста, высказывания, имени. Различия этно- и социокультурных интерпретаций фразеологического семиозиса напрямую зависят от особенностей языковых картин мира разных этнических, корпоративных, профессиональных, конфессиональных, территориальных групп, от языковых картин мира и языкового опыта ярких личностей в каждой такой группе [3, с. 26]. Так, фразеологизмы *Адамово яблоко*; *манна небесная*; *райское наслаждение*; *тридцать серебряников* и под. функционируют в межнациональном лингвокультурном пространстве в виде языковых калек, поскольку являются универсально-прецедентными феноменами конфессионального межнационального сообщества христиан. *Несолоно хлебавши*; *бить баклуши*; *ложка дёгтя в бочке мёда*; *во всю ивановскую*; *коломенская верста*; *язык до Киева доведёт*; *щи да каша – пища наша*; *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и под. ограничены русским национально-лингвокультурным пространством, поскольку используют русские национально-прецедентные имена. Ситуации, вызывающие прецедентность большинства таких фразеологических единиц (далее – ФЕ), могут лежать в основе прецедентных феноменов других национальных и лингвокультурных сообществ. Поэтому возможны межъязыковые фразеологические соответствия. Однако часто ФЕ одного лингвокультурного пространства являются безэквивалентными во фразеосистемах других национальных и лингвокультурных пространств, а имеющиеся соответствия, как правило, различаются культурным, историческим, ментальным фоном. Наибольшую трудность при изучении проблем межкультурной коммуникации вызывают фразеологизмы пространств, меньших, чем национально-лингвокультурное, то есть социальных и лингвокультурных пространств, в которых фразеологизм – это социумно-прецедентный феномен [4, с. 131]. Рассмотрим это на примере русских фразеологизмов Санкт-Петербурга.

Лингвокультурное пространство города формируется разными социальными и, как правило, этническими группами населения на протяжении продолжительного периода. Любой большой город – экономический и культурный центр какого-то региона. История основания, заселения, развития города, жизнь, традиции, экономические, профессиональные предпочтения его жителей, особенности климата и географического положения, поведение горожан в периоды социальных катаклизмов воздействуют на лингвокультурное пространство города, формируя прецедентные феномены, в том числе фразеологизмы – одну из обязательных черт самобытного городского койне. Фразеосистема речи каждого города состоит из двух больших блоков: общеупотребительного и подсистемного, который придает своеобразие этой фразеосистеме. Онтологические особенности хозяйственной деятельности, одноязычной или многоязычной культуры города влияют на своеобразие использования донорских и реципиентных концептосфер в процессе образования и трансформации фразеологизмов.

К оригинальным фразеологическим питеризмам мы относим, в первую очередь, те, основой для создания которых являются прошлые или сегодняшние реалии разных сфер жизни Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Среди этих фразеологических единиц находим устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, проклятия. Регионом функционирования некоторых из них за время их существования в языке стал не только Санкт-Петербург, чему способствует творчество писателей, режиссеров, актеров, популярность исторической личности Петра Первого. 320-летняя история Санкт-Петербурга богата легендами, основанными на личном участии Петра и его современников в создании города, его устоев, традиций, в застройке и заселении районов, улиц, строительстве важных объектов обороны, про-

мышленности, науки, культуры, жизнеобеспечения, а также легендами о жизни в городе самого царя, его единомышленников и противников. Часть легенд – правда, а часть – вымысел. И те и другие нередко лежат в основе городской петербургской фразеологии.

В 1833 г. в пушкинской поэме «Медный всадник» прозвучали слова о значении Петербурга для русской истории, которые сразу стали афоризмом: *Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно*. По мнению М. С. Кагана, основание Петербурга стало для России второй «культурной революцией сверху» после принятия христианства [5]. Есть легенда, согласно которой *окном в Европу* Санкт-Петербург впервые назвал сам Пётр I при закладке первого камня в основание города [6, с. 150]. Когда родился план обезопасить Петербург от наводнений с помощью строительства дамбы между берегами Финского залива и Кронштадтом, в Ленинграде появилась паремия *Пётр Романов пробил окно в Европу, а Григорий Романов закрыл его дамбой*. Еще раньше появилась ФЕ пропозиционально-диктумного типа мотивации *В Европу Пётр пробил окно, а Сталин там решётку вставил*. В современном русском языке узуальными являются фразеологизмы, созданные на основе функциональной метафоры *окно в Европу* и *ворота в Европу / ворота в Россию*. Второй имеет два варианта и с большей точностью отражает реалии постсоветской России.

Петру I приписывают афоризм *Петербургу быть, России – плыть!* В городской мифологии этот афоризм связывают с ответом Петра на проклятие его недругов *Быть Петербургу пусту!*, преследовавшее город на протяжении его истории и активно распространявшееся во время наводнений, катастроф, фашистской блокады, перед празднованием 300-летия города в 2003 году (именно такой максимальный возраст еще при Петре пророчили Петербургу). Общеупотребительные поговорки *Жди горя с моря, беды от воды; Где вода, там и беда; Царь воды не уймёт* не могли возникнуть в континентальной России, где к воде всегда было уважительное отношение. (Так, русские беглые крестьяне, оказывавшиеся в засушливых районах, стремились селиться в балках вдоль немногочисленных рек и ручьёв). В основе возникновения этих поговорок лежат трудности освоения народом болотистой дельты Невы в начале XVIII в. С такими масштабными проблемами «укрощения» водной стихии русские столкнулись впервые. Кроме того, в то время столицы возникали в результате длительной эволюции на месте старых небольших поселений. Строительство Санкт-Петербурга стало первым в Европе прецедентом специализированного строительства города-столицы. Язык реагирует на это сопоставлением прежде всего родных столичных реалий: *Москва выросла – Петербург выращен, Москва строилась веками, Петербург – миллионами*.

Различия или близость лингвокультурных пространств, экономических, географических особенностей отдельных городов нередко приводят к образованию ФЕ, содержащих несколько городских сем. Например: *Уже не Одесса, но ещё не Петербург / Ещё не Одесса, но уже не Петербург* – (ФЕ на основе метонимии) о людях, которые, соответственно, еще не набрались петербургского официоза либо одесской фамильярности, изменив место жительства.

В российской действительности стала прецедентной ситуация переноса российской столицы из Москвы в строящийся Санкт-Петербург. Соперничество двух городов за первенство в политической, экономической, культурной, научной жизни, начавшееся благодаря деяниям Петра, сегодня, как и 320 лет назад, является актуальным и порождает новые ФЕ. Так, в XVIII в. Москву в аристократических салонах Петербурга стали называть *столицей недовольных*, поскольку в нее из Петербурга переезжали жить попадавшие в монаршую немилость дворяне. Разница в стиле жизни этих городов породила в то время паремию *В Питер по ветер, в Москву – по тоску*. В Петербурге и его пригородах стояло много воинских подразделений для охраны царской власти, создавались военные училища, кадетские корпуса. Петербург уже в XVIII в. воспринимался как военная столица России, Москва же – как православная столица, хранительница народ-

ных традиций. В связи с этим в народной речи возникли паремии *Петербург будит барабан, Москву – колокол; Москва – матушка, Петербург – батюшка; Славна Москва калачами, Петербург – усачами / пиджаками; Москва невестится – Петербург женихается; Питер женится, Москва замуж идёт; Москва – девичья, Петербург – прихожая*. Эти и подобные ФЕ отражают сущностную разницу двух российских столиц: военизированного, «подтянутого», строгого Петербурга и златоглавой, широкой, доброй Москвы. На петербургско-московское происхождение этих ФЕ указывают компоненты с локативными семами ‘петербургский’ и ‘московский’.

В ряде петербургских фразеологизмов яркой семой ‘петербургский’ обладают не родственные названию города слова, а слова, хорошо известные как его историко-культурные и языковые визитки, среди которых часты урбанотопонимы (годонимы, эргонимы), гидронимы, антропонимы, историзмы и производные от них слова. Например: *шлифовать тротуары Невского проспекта / шлифовать невские мостовые – ‘шляться; бесцельно и праздно шататься’; бросаться в объятия красавицы-Невы – 1) ‘использовать невскую воду’; 2) ‘зарабатывать на «дарах Невы», вылавливая из неё полезные находки’; 3) ‘окупаться на Крещение в Иордань, вырубаемую в невском льду перед Зимним дворцом’; каждому поколению своя блокада – о трудной жизни петербуржцев в кризисные 1990-е годы и др. В компонентах многих петербургских ФЕ сема ‘петербургский’ слабая. Однако семантическая целостность фразеологизмов [7, с. 4] дает возможность определить эту сему не для отдельных компонентов ФЕ, а для фразеологизма в целом. Самó отнесение ФЕ к группе питеризмов свидетельствует о ярком характере семы ‘петербургский’ во всех фразеологизмах этой группы, даже тех, которые не содержат компонентов с яркой семой ‘петербургский’. Например, в Петербурге: *пригласить на Чёрную речку – 1) эвфемизм прямого вызова на боевой поединок; 2) метафорическое требование немедленных объяснений по поводу неблагоприятного поступка, непорядочности [Чёрная речка – место дуэли Пушкина и Дантеса в 1837 г.]; вошь да крыса до Елагина мыса – формула бедности, основанная на контрасте роскоши Елагина острова (в бытность Петра I Мишкина / Медвежьего острова) и бедности соседних рабочих поселков Невской губы; поголодаю, поголодаю – и на Волково / и на Красненькое / да и пешком на Смоленское – о плохом состоянии здоровья, о депрессии [трамвайные маршруты, проведенные по острову Голодаю (Голодай) или даже начинавшиеся там, заканчивались у разных петербургских кладбищ: Волкового, Красненького, Смоленского]; Ближняя Ксения поможет – совет попросить помощи у Святой Ксении Петербургской*.*

Ряд ФЕ, появляющихся в отдельном городе, нередко проникают в национальное лингвокультурное пространство. Например, бывшие питеризмы *всякий сам себе Исаакий; съездить в Ригу; под одну гребёнку; почём фунт лиха*. [В основе предпоследней ФЕ – омонимия имени собственного и нарицательного: под руководством или при участии архитектора Н. П. Гребёнки уже в послепетровскую эпоху, в 1840–1870-е годы, быстро, но без архитектурных излишеств было построено не менее 100 доходных домов, обычно похожих один на другой. В основе последней ФЕ – межъязыковая омонимия. по-фински *liha* – «мясо»; мясными и молочными продуктами Петербург снабжался из сёл финского сельскохозяйственного пояса, который сохранялся и благополучно функционировал вокруг города с петровских времен до 1920-х годов].

В 1714 г. Петром I был основан первый в России музей – Кунсткамера. С самого начала работы музей привлекал к себе любознательных людей, став одной из «визитных карточек», одним из прецедентных имен Санкт-Петербурга. Каждый, кто посещает Кунсткамеру, ожидает увидеть диковинные вещи, встречающиеся в природе. В Словаре Даля имеется пословица *В кунсткамере был, а слона не видал!*, которая толкуется как «был невнимателен, ненаблюдателен; не увидел главного» [8]. После появления в 1814 г. басни И. А. Крылова «Любопытный», где обыграна эта паремия, она была

трансформирована в афоризм *Слона-то я и не приметил* [9, с. 124], широко распространившийся за пределами Петербурга. В XVIII в. слоны в Европе считались дорогими подарками азиатских правителей. Не обойден был таким подарком и Пётр I [6, с. 23]. Для слонов в столице строили слоновые дворы. Летом любопытные «толпы зевак ходили» [9, с. 89] поглазеть на слонов, когда тех водили на водопой и купание на берег Невы. В 1809 г. И. А. Крылов отразил эту реалию в басне «Слон и Моська», зачин которой сразу стал афоризмом: *По улицам Слона водили* (= «показывали нечто диковинное»).

Известно, что в 1700 г. Пётр I основал Адмиралтейский приказ, преобразованный в Адмиралтейскую канцелярию, а позже – в Адмиралтейскую коллегию. Там Пётр лично заседал с адмиралами. В 11 часов заседания прерывались, Царь подкреплял себя рюмкой анисовки. Эту привычку подхватили и адмиралы. В связи с этой привычкой в русском языке возникла ФЕ *адмиральский час* = «11 часов утра / дня». Это время стало ассоциироваться в народе с новой традицией: предобеденной выпивкой и закуской [6, с. 4]. В современном русском военном жаргоне адмиральским часом называют послеобеденный часовой отдых на корабле. А время 11 часов дня на флоте получило название *адмиральского полдня*.

При Петре I впервые заговорили о кавалергардии как о роде вооруженных сил [6, с. 89]. В то время о них говорили Кавалергардия – старая гвардия; Гвардия рыцарей. Кавалергардия была элитным подразделением, поэтому фактор внешности играл важную роль в отборе офицеров и солдат. В языке появилась поговорка *Кавалергарды высокие подпирают потолки*. Привилегии развращали этих воинов, и их поведение в быту нередко свидетельствовало о невысоком уровне интеллекта. В связи с этим возник вариант данной поговорки: *Кавалергарды – дураки, подпирают потолки*. Своеобразный головной убор с высоким гребешком вызывал внешнее сходство с индюком либо дрофой, которую в народе называют также *дудаком*. Отсюда еще один вариант поговорки: *Кавалергарды – дудаки, подпирают потолки*. Функционировала поговорка с таким же сценарием, субъектом которой выступали гвардейцы Преображенского полка, созданного Петром I и расформированного в 1918 г.: *Солдаты Преображенского полка достают (головой) до потолка*. Сегодня эти ФЕ устарели по причине экстралингвистической: военных формирований с такими названиями в России нет. Однако жива другая поговорка, зафиксировавшая исключительную привилегию лейб-гвардейцев иметь усы: *Видно птицу по полёту, а гвардейца – по усам*. Всем другим военным Пётр I запретил отращивать бороду и усы, жестоко наказывая за невыполнение указа.

Между военными, служащими в сухопутных войсках и на флоте, издавна существует соперничество в плане социальной престижности. Уже при Петре I, как и сегодня, привилегированное положение занимали моряки. Соперничество распространилось и на гражданскую сферу деятельности. После постройки железной дороги быть железнодорожником в России было социально престижно. Значение водного транспорта значительно уменьшилось. Однако моряки не уступали, давая железнодорожникам прозвища, содержащие отрицательную коннотацию. В Петербурге одно из них сохранилось до сих пор: *свисток с Балтийского вокзала*. Изначально в XIX веке моряки, для которых открыто целое Балтийское море, так называли железнодорожников, ограниченных тоже Балтийским, но лишь вокзалом, дававших сигнал, но не склянкой, а свистком и живших однообразной сухопутной жизнью, привязанной к рельсам. Однако семантическая структура этой фразеологической единицы стала быстро расширяться и размываться, что свидетельствует о ее жаргонизации. Сема «железная дорога» оказалась скрытой, а яркими при архисеме «человек» стали в одном случае семы «обманывать» и «хвастать», в другом – «незначительный» и «маленький». Известно, что уже в начале XX века ФЕ *свисток с Балтийского вокзала* петербуржцы употребляли и продолжают употреблять вместо общеупотребительных *пустослов, болтун, обманщик*,

хвастун, задавака и под., жаргонных *прыщ (на ровном месте); мыльный пузырь; надувающий щёки; «деятель»* и вместе с ним. Свистком с Балтийского вокзала сегодня также уничижительно называют любого «среднестатистического» гражданина, от которого мало что зависит, а также низкорослого мужчину.

В 1716 г. по указу Петра I на левом берегу Невы появилось село Рыбацкое, Рыбная слобода, куда переселили рыбаков-поморов. Рыбный промысел давал рыбакам хорошие доходы, отчего жителей слободы стали называть рыбацкими куркулями. Появилась и паремия *рыбацкий куркуль – вместо корюшки омуль*, фразеологизм модусного типа мотивации с компонентом пространственной ориентации. Эта ФЕ долгое время служила у петербуржцев формулой оценки нелегкого, но прибыльного рыболовного труда на окраинах Петербурга: невские рыбаки имели возможность есть не только мелкую корюшку, но и дорогого омуля. Завистникам отвечали: *А ты поймай угря в Рыбацком да продай за рупь в кабацком*. Эта фраза быстро стала фразеологизмом и использовалась в речи петербуржцев даже в XX веке в ситуации, когда один из собеседников завидовал материальному благополучию трудолюбивого человека, зарабатывавшего своим трудом (независимо от профессии, цены на угрей, омулей и появлению вместо кабаков ресторанов, баров, кафе). Нередко рыбаки праздновали хороший улов в кабаках. Такая ситуация стала прецедентной и породила идиому *Рыбацкое – кабацкое*, которая и сегодня используется в Петербурге для оценки ситуации, в которой оказываются люди, умеющие хорошо заработать, но «прожигают» свой заработок в ресторанах, казино и других увеселительных заведениях. Положительная коннотация при упоминании места, где располагалось село Рыбацкое, сохранилась и в советское время. Когда в 1980-е годы на этом месте стали возводить новый жилмассив, получение квартиры в нем стали называть *рыбацким счастьем*. До сих пор овраг в Рыбацком, как и во времена Петра I, называют *Щучьей гаванью*. Сравн.: *Сенат и Синод живут подарками* – блестящий каламбур, соединяющий коррупционную суть властных структур с архитектурой зданий Сената и Синода, соединенных аркой, под которой начинается улица Галерная. *Менс сана ин «Квисисана» (Mens sana in Quisisana)* – трансформация латинской ФЕ *Mens sana in corpore sano (В здоровом теле здоровый дух)* – о безупречности ресторана «Квисисана», который был открыт в доме № 46 по Невскому проспекту в начале XX в. и восстановлен в 1990-е гг. *Сельмаг–сельпо–Ленинград–Московская товарная* – оборот смешанного типа мотивации со значением ‘самая горячая транзитная точка Петербурга’. Эта территория в Петербурге совмещает индустриальный размах, организационную четкость и невзрачные магазинчики для железнодорожных служащих, будочки стрелочников [6, с. 215–216].

В период возведения Петербурга Пётр I поощрял строительство системы жизнеобеспечения горожан. Огромное значение уделялось строительству общественных бань и развитию культуры купания в них в условиях многотысячного города. В связи с этим у петербуржцев возникла поговорка *Без Петербурга да без бани нам как телу без души*. Фразеологизм *Точно как из пушки* обычно связывают с возникшей в 1856 году традицией выстрела вестовой полуденной пушки с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости для проверки жителями города точного времени. Однако городская мифология связывает эту традицию с именем Петра I, который распорядился давать ежедневный пушечный выстрел для того, чтобы обеденный перерыв у всех начинался одновременно, в 12 часов.

От петровских первоапрельских розыгрышей в Петербурге сохраняется традиция создавать абсурдные фразы, называющие несуществующие перекрестки (например: *На углу Галерной и Фонтанки; Угол Малой Охты и Васильевского острова; На углу Невского и Средней Рогатки; Угол Лиговского и 15-ой Линии* и под.). Кроме первоапрельских розыгрышей, для отдыха и развлечений высшей петербургской знати Пётр I ввел «ассамблеи» вместо разгульного *всепьянейшего собора*. Опоздавшему либо про-

винившемуся по указанию царя подносили *штрафной кубок большого орла*, на крышке которого было написано *пей до дна*. С тех пор ритмическая хоровая мелодекламация этой фразы является обязательным элементом русского обряда широкого гостеприимства [6, с. 167].

Развернувшееся в начале XX в. в российских городах активное строительство часто приводило к утрате многих исторических реликвий. Реакцией на это в некоторых городах было создание музеев истории этих городов. В 1907 г. в С.-Петербурге при Обществе архитекторов-художников был создан художественно-исторический музей «Старый Петербург», преобразованный в 1918 г. в Государственный музей истории города. Музей менял адреса, к нему присоединяли целые историко-архитектурные комплексы. Разнообразие экспозиции музея породило фразеологизм с темпоральным сценарием *От Петра до метра* для обозначения содержания экспозиции музея. Учителя истории и краеведы, используя метонимию, так называют весь музей. Известно, что значение деятельности Петра I повлияло на хронологическую квалификацию событий российской истории, как ту, которая была до Петра, так и с петровских времен.

Вхождение Петра I во власть сопровождалось острой борьбой с боярами, царевной Софьей и поддерживавшими ее стрельцами. После провозглашения Петра царем стрельцы в Москве начали бунтовать, за что были казнены на лобном месте Красной площади. Художник В. И. Суриков в 1881 г. изобразил подготовку к этой казни на картине «Утро стрелецкой казни», ставшей одним из прецедентных феноменов русской культуры. Русский человек нередко после появления картины *Утром стрелецкой казни* называет утро перед ответственным и судьбоносным для себя событием (студент – перед экзаменом, милиционер – перед охраной порядка в заведомо беспокойный день, главный бухгалтер предприятия – перед началом ревизии, спортсмен – перед сложным днем соревнований, ученый – перед защитой диссертации и т. п.). В Петербурге *Утром стрелецкой казни* называют также ситуацию прибытия из Москвы железнодорожного экспресса «Красная стрела» [6, с. 248]. В основе переинтерпретации данного ФЕ ассоциативно-терминального типа мотивации лежит реальный для многих пассажиров этого поезда сценарий депрессивного состояния, связанного с утренним хмельным синдромом и бессонной ночью.

Выводы. Рассмотрев часть подсистемного блока фразеосистемы русской речи петербуржцев, а именно группы оригинальных фразеологических питеризмов, мы можем утверждать, что коллективное когнитивное пространство одного большого города отличается от универсального и национального когнитивного пространства. При исследовании проблем функционирования фразеосистемы должен учитываться, наряду с другими, критерий «внешнего масштаба», активно использующийся с начала XXI в. при изучении вопроса о прецедентных феноменах. Применение этого критерия позволяет, кроме национально-прецедентных феноменов, выделить группы ФЕ, входящих в группы универсальных и социумных прецедентных феноменов [10, с. 173–183].

Среди фразем-питеризмов преобладают единицы с пространственным компонентом. Донорскими в процессе образования и переинтерпретации фразеологических урбанизмов чаще всего выступают такие домены и таксоны урбанокультуры конкретного города, как городское районирование, городское жильё, коммунальное хозяйство, экономика, культура и быт горожан, реципиентными – разные сферы суперконцепта ‘человек’. Концептуализация семы ‘петербургский’ во фраземах-питеризмах осуществляется благодаря использованию урбанотопонимов, слов, обычное употребление которых ограничено данным городом и регионом активной экономической деятельности его жителей, общеупотребительных слов с оригинальными значениями, неизвестными за пределами города и региона, метафор, метонимий, сравнений, мотивированных местными историческими, географическими, социально-экономическими, культурными реалиями и приоритетами. Мы выделили и проанализировали определенную группу

городских фразеологизмов Санкт-Петербурга, появление и функционирование которых прямым либо косвенным образом связано с деятельностью великой исторической личности – Петра Первого. Лингвокультурное пространство отдельного города – разновидность социально-лингвокультурного пространства, оно содержит в себе элементы и межнационально-лингвокультурного, и национально-лингвокультурного пространства. Лингвокультурное пространство отдельного города – самостоятельный феномен, заслуживающий внимания при изучении межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 559–560.
2. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – Київ ; Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
3. Степанов, Е. Н. Одесские фразеологизмы в системе русской фразеологии / Е. Н. Степанов // Мова : наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2005. – С. 37–141.
4. Степанов, Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – Ізмаїл, 2008. – Вип. 25. – С. 130–135.
5. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры / М. С. Каган. – СПб. : Паритет, 2006. – 480 с.
6. Синдаловский, Н. А. На языке улиц : Рассказы о петербургской фразеологии / Н. А. Синдаловский. – М.–СПб. : Центрополиграф ; МИМ–Дельта, 2006. – 264 с.
7. Алефіренко, М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища школа, 1987. – 137 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
9. Крылов, И. А. Избранные произведения / И. А. Крылов. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
10. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

Abstract. The article examines the ways of the influence of socio-historical events of the Peter the Great era on the formation and functioning of St. Petersburg city phraseology as a social and linguocultural space, and also determines the place of these phraseological units in the systems of different “external scale” linguocultural spaces.

Keywords : sociolinguistics, urban linguistics, phraseological units, Peter's era, St. Petersburg, social space, linguocultural space.

УДК 811.162.1'373:398.9

Я. Гарса

JAKOŚ TO BĘDZIE – ПОЛАГАТЬСЯ НА АВОСЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена польскому крылатому выражению и жизненной философии поляков *jakoś to będzie*. Эти слова хорошо характеризуют польский национальный характер и одну из его главных черт – надежду, что все само собой сложится, как-нибудь обойдется, судьба или бог помогут решить все проблемы, а поляки, как и русские, полагаются на авось.

Ключевые слова: национальный характер, крылатые слова, *авось*.